

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА ИССЛЕДОВАНИЙ АРГУМЕНТАЦИИ

З. З. ИЛАТОВА, М. Ю. СЛАСТЕНОВ (Ленинград)

Исследования по теории аргументации (ТА) развернулись в Советском Союзе относительно недавно. Первые публикации по этой проблеме — статьи академика Г. А. Брутяна в журналах «Вопросы философии» и «Философские науки» — вышли в свет в конце 70-х, начале 80-х годов¹. В 1982 году вышла монография того же автора (Аргументация. Ереван, 1984) — первое и на сегодняшний день единственное систематическое рассмотрение проблем ТА в нашей литературе. Именно эти работы, привлекая внимание широких кругов философской общественности страны к проблемам ТА, и послужили отправной точкой и, одновременно, теоретической основой для дальнейших разработок в этой области советскими исследователями.

Вокруг группы ереванских исследователей сложилась — в масштабах всей страны — советская школа изучения проблем аргументации, отличающаяся своеобразием подходов и решений ко многим фундаментальным проблемам ТА². Важной особенностью этой школы является ее открытый характер, проявляющийся в значительном объеме и качественном многообразии связей с зарубежными исследовательскими коллективами и отдельными учеными.

Важным этапом в развитии международных связей советской школы исследования аргументации является создание неправительственной организации — Академии философии на Севане (президент Г. А. Брутян), одним из трех направлений работы которой наряду с исследованиями по истории армянской философской мысли и философским проблемам астрофизики стали исследования в области ТА.

Целью настоящей статьи является попытка очертить хотя бы общие контуры и указать основные направления исследований в области ТА в нашей стране.

Исследования в области ТА все еще далеки от того состояния концептуальной завершенности, которое предполагает сравнительно спокойное «углубление» уже полученных результатов и разработку частных проблем. В действительности, предметом неутраченных дискуссий являются сегодня основополагающие категории ТА и даже вопрос о самом предмете теории и о возможных средствах и методах исследования. Как представляется, советская школа аргументации занимает в этих дискуссиях свое особое место, обусловленное методологическим

¹ См.: Г. А. Брутян, Философская природа аргументации и природа философской аргументации (Философские науки, 1978, № 1—2); его же, Аргументация (Вопросы философии, 1982, № 11); его же, Перспективы исследований актуальных проблем теории аргументации (Философские науки, 1983, № 6).

² Анализ проблем ТА посвящены, в частности, сборники статей: Философские проблемы аргументации, Ереван, 1984; Вопросы философии, вып. 4, Ереван, 1986; Философские проблемы аргументации, Ереван, 1986 и др.; ряд статей по ТА помещен в вып. 6—7 «Вопросов философии» (Ереван, 1988). Значительное количество работ опубликовано в различных изданиях (журналах и сборниках статей по смежным проблемам).

продолжением, «снятием» той антиномии определений и средств, которая разделила исследователей, так или иначе тяготеющих к концепции, выдвинутой Х. Перельманом и таких его оппонентов, как Л. Апостель, Э. Барс, Э. Краббе, А. Гюнтер и др. Суть этого принципиального расхождения, как кажется, может быть в общих чертах сведена к противоположности двух взаимоисключающих представлений человеческой рациональности. Действительно, если отправной точкой построения ТА у Х. Перельмана является как раз критика традиционного европейского рационализма — и, соответственно, разработанная им теория вообще может быть рассмотрена как *теория рациональности* — то исследования в рамках т. н. «формальной диалектики» (и достаточно близких к ней концепций Л. Апостеля, А. Гюнтера, Я. Хинтиikki) явно или неявно исходят именно из этого критикуемого представления. Сведение рациональности к априорным (или хотя бы универсальным) схемам рассуждения, с одной стороны, и ее представление в качестве ситуативно определяемого «свободной, но разумной» личностью критерия принятия решений — с другой, определяет и применяемые средства анализа. И если с точки зрения сторонников «формального» подхода «социальная, интеллектуальная, вербальная активность» аргументирующего субъекта может быть сведена к «множеству высказываний»³, что позволяет сделать вывод о «совпадении двух областей» — логики и ТА⁴, то по мнению их оппонентов, теория аргументации является содержательной теорией, тяготеющей к психологическим (или социально-психологическим) средствам анализа.

Своеобразие советской школы исследований аргументации как раз и заключается в том, что многие ее представители видят выход не в принятии одного из этих решений, но в переосмыслении самого вопроса, что позволяет по-новому решить проблему средств построения теории, по-новому взглянуть на определения самого предмета ТА и ее ключевых понятий. Действительно, недостатки формально-логического подхода к построению ТА достаточно очевидны — и его критика Х. Перельманом, Г. Джонстоном и др. может считаться достаточно убедительной. Однако эта критика, показывающая неприемлемость «традиционного» разрыва рассуждения, чувства и воли в своей конструктивной части, по сути дела, воспроизводит его, утверждая безусловный примат в практическом мышлении его эмотивных, психологических детерминат. Это с неизбежностью приводит к разведению и даже противопоставлению областей рационального, связанных с «принудительной» дискурсивной демонстрацией — с одной стороны, и со «свободным, но разумным» выбором — с другой. В итоге вполне обоснованная критика традиционного представления рациональности как бы повисает в воздухе, поскольку области принудительного дискурса и разумного выбора оказываются — в конечном счете именно в силу содержания этой критики — никак не связанными, *несопоставимыми*; единство рассуждения и воли — лишь декларированным, а сами они остаются *абстрактными* — в силу сохранившегося разрыва — свойствами *абстрактного* человека (по сути дела, именно этот аспект теории аргументации Х. Перельмана дал основания Э. Барс и Дж. Мартенсу отнести разработанную им ТА к числу

³ F. H. van Eemeren, Grootendorst R., Krulger T. *Argumentationstheorie*, Utrecht, 1978.

⁴ E. C. Krabbe, *Theory of argumentation and the dialectical garb of formal logic* // *Argumentation*, Amsterdam, 1982.

теорий, в которых не учитывается реальное взаимодействие аргументатора с аудиторией).

Действительное преодоление этого искусственного разрыва возможно только как отражение целостной человеческой рациональности (взятой в более широком «спектре» отношений, «чем тот, что изучается логикой»⁵) в рамках единой теории практического мышления, в котором эти стороны не противопоставляются, а выступают в нерасторжимом и взаимоопределяемом единстве. Это не означает, разумеется, их «растворения» в системе понятий новой теории. Речь идет об их различении на некотором общем основании, т. е. о таком различении, которое определяется их взаимосвязью. Очевидно, что в этом случае теория аргументации не может ограничиваться рассмотрением отдельных областей рациональной деятельности, но должна охватить всю сферу рационального, взятого в единстве рассудка, чувства и воли. Это означает также, что аргументация может рассматриваться только как универсальная, всеобщая форма человеческого деятельного мышления — и именно этот тезис, впервые высказанный в статье Г. А. Брутяна⁶, явился, в значительной мере, ориентиром дальнейших исследований этого вопроса.

Принятие этого тезиса ставит перед исследователями двойную задачу: с одной стороны, это необходимость нового анализа сфер интеллектуальной деятельности, традиционно воспринимаемых как «рассудочные», с другой — необходимость теоретического переосмысления исходных понятий ТА, таких как «доказательство», «обоснование», «убеждение» и т. п.

На данном этапе исследований, как ни странно, наименьшие трудности представляет решение — хотя и в весьма общей форме — именно первой из этих задач (хотя, казалось бы, ее разработка требует предварительного исследования базисных понятий ТА). Это связано, по нашему мнению, с тем фактом, что время «рационалистической эйфории», характерной для периода становления современной науки, давно прошло, и сегодня достаточно очевидны принципиальные недостатки ее дедуктивных моделей, «неспособных отразить противоречивую динамику развития даже «аксиоматических систем знания»⁷.

Действительно, как отмечает И. Д. Заславский, уже в математике «обоснование предпосылок теории и обсуждение ее положений» не имеет непосредственной дискурсивной связи с собственно «формальным доказательством» и само «не имеет характера строго формального доказательства»⁸. «Формальные и неформальные компоненты математической аргументации — пишет И. Д. Заславский — находятся друг о другом в сложной и специфической взаимосвязи»⁹. Аргументация оказывается, таким образом, несводимой к доказательству даже в математической сфере. Естественно, поэтому, что аналогичные выводы получены в результате проведенных рядом авторов исследований аргументации в естественных науках¹⁰.

⁵ Г. А. Брутян, Аргументация, Ереван, 1984, с. 32.

⁶ См.: Г. А. Брутян, Аргументация (Вопросы философии, 1982, № 11).

⁷ И. П. Меркулов, Развитие теоретической науки: роль неявного знания (Проблемы развития знания и методологии науки, М., 1987).

⁸ И. Д. Заславский, Некоторые особенности аргументации в математике (Философские проблемы аргументации, Ереван, 1984, с. 93).

⁹ Там же, с. 95.

¹⁰ См., напр., Н. Ф. Бубырченко, Соотношение интуитивного и логического в научном познании (Философские проблемы аргументации, Ереван, 1986).

Однако выяснение действительного содержания отношения между аргументацией и доказательством (дополнительность, включение, подчинение и т. п.) требует более широкого, обобщенного анализа аргументации — что и составляет предмет второго из поставленных выше вопросов.

Не имея возможности в пределах одной статьи раскрыть все многообразие подходов и результатов, связанных с решением этой задачи представителями советской школы исследования аргументации, попробуем в самой общей форме обрисовать хотя бы основную направленность, тенденцию представленных в нашей литературе исследований по этому вопросу.

Необходимо отметить, прежде всего, что вопрос о природе и структуре аргументации и логического доказательства есть, по сути дела, вопрос о соотношении дискурсивного и интуитивного, логического и внелогического, т. е., по сути дела — традиционный вопрос о соотношении «логических» и «психологических» (социально-психологических, социологических) аспектов аргументирования — и именно в такой форме он ставится в большинстве исследований¹¹.

Подобная постановка вопроса вовсе не означает, однако, что задача исследований в области ТА состоит в отделении чисто логических аспектов аргументирования (т. е. собственно доказательства) от средств психологического воздействия, в изучении аргументации средствами логики и психологии. Напротив, понимание ТА как целостной теории предполагает, скорее, неизбежный вывод о неустранимой односторонности и, следовательно, ограниченности каждого из этих подходов в отдельности. Очевидно, однако, что существенное различие средств, методов и самого предмета логики и психологии вряд ли делает возможным простое объединение их результатов. Их действительное единство может быть достигнуто только на основе и в рамках некоей третьей теории, в концептуальной системе которой логические и психологические категории приобретут новую определенность. И именно такой теорией, связывающей понятия доказательности и эффективности (убедительности) и задающей новые концептуальные «координаты» их описания и анализа и является разрабатываемая советскими исследователями теория аргументации. Естественно, что привычные понятия логики и психологии приобретают в этой новой «системе координат» качественно новое содержание, переосмысливаются в рамках ТА. Она, таким образом, не является ни теорией психологии доказательств, ни формальной теорией убеждения — в этом случае за пределами анализа оказался бы либо сам доказывающий (или воспринимающий доказательство) субъект, либо проблемы истинности и логической правильности аргументации, что, как раз, фиксировало бы упоминавшееся разделение рассудка, чувства и воли. В действительности, ТА является теорией, призванной рассмотреть раскрывающиеся в социальном взаимодействии условия, формы и границы их единства, понимаемого как рациональность реального субъекта — т. е. собственно философской, теоретико-познавательной дисциплиной.

Таким образом, очерченный вопрос раскрывается не как вопрос демаркации логических и психологических сторон аргументации, но как вопрос о взятых в их целостности основаниях рациональной оценки, выбора из альтернатив, рационального решения. «Всякое несогласие исче-

¹¹ См., напр.: Д. В. Ольшанский, Проблема психологических механизмов аргументации (Философские проблемы аргументации, Ереван, 1986).

зает в свете декартовской самоочевидности, которая уничтожает возможность выбора и даже делает идею рационального выбора противоречивой»¹², — писал Х. Перельман. И действительно, ясно, что, хотя рациональное обоснование выбора не должно содержать логической ошибки, быть противологическим, но сама логика не может объяснить, почему мы выбираем ту или иную точку зрения, положение, тезис, тем более, что обоснование *всех* рассматриваемых альтернатив может быть логически корректно, причем в их основании могут лежать как взаимоисключающие, так и взаимно нейтральные посылки — т. е. альтернатива может заключаться не только в выборе между «А» и «не-А», но и между равно истинными «А» и «В».

Это означает, что проблема рационального выбора не может быть сведена к проблеме истинности его посылок — в этом случае ТА оказалась бы просто невозможной, поскольку невозможна теория, способная отделить все истинные посылки (предложения) от ложных. В действительности рациональный выбор редко сводится к вопросу об истине: на самом деле альтернатива, как исходный «материал» решения, возникает тогда, когда перед субъектом встает вопрос об истолковании, о поиске *смысла* установленных фактов (или выражающих эти факты истинных суждений), об их месте в системе его представлений о мире, и применимости к ним тех или иных логических схем (возможно, о применимости логики вообще), или же тогда, когда вопрос об истинности посылок вообще не может быть поставлен.

ТА, следовательно, рассматривает — в отличие от логики — не только «чистое» движение от посылок к выводу, но весь процесс поиска этого вывода, процесс рационального выбора (в том числе и выбора самих этих посылок) в целом. В этом случае в сферу анализа неизбежно входят также и социальные, и социально-психологические детерминанты принятия тезиса и используемых аргументов, их этическая, прагматическая и даже эстетическая оценка, сравнение на этой основе конкурирующих альтернатив.

Разумеется, процесс принятия решения, рационального выбора ни в одном из своих моментов не может содержать нарушения законов логики. Однако любая попытка его объяснения посредством анализа только его дискурсивной структуры не более плодотворна, чем попытка объяснить социальные процессы посредством законов физики (хотя ни один из них не нарушается в социальной сфере). В случае аргументации мы сталкиваемся с очевидной необходимостью более широкого подхода к рациональности, чем тот, который используется в рамках формальных подходов. Соответственно, предметом рассмотрения в ТА является не доказательство, а обоснование, включающее наряду с доказательством, оценку представительного тезиса, аргументов и, возможно, используемых логических средств и дающее возможность не только установить истинность того или иного тезиса, но и «выбрать из истинных утверждений именно это, а не другое истинное положение, исходя из оценочных установок»¹³. Подобная трактовка обоснования позволяет сделать важный вывод: область применения ТА не ограничивается анализом отдельного класса случаев (таких, как деятельность судьи или нравственная коллизия), но охватывает всю сферу рациональной деятельности — в том числе математической и логической — рассматривая ее дискурсивную структуру в более широком контексте обоснования, понимаемого, таким образом, как рассмотрение формы и

¹² Ch. Perelman, *Justice, law and argument*, Dordrecht, Boston, 1982.

¹³ Г. А. Брутян, *Аргументация*, Ереван, 1984, с. 31.

содержания некоторого тезиса в широком историко-культурном контексте, как указание (но не обязательно как демонстрация) на его совместимость с принятыми нормами и презумпциями.

Важной особенностью разрабатываемой советскими исследователями ТА является также и то, что процесс обоснования рассматривается во многих работах как принципиально диалогический процесс¹⁴ — будь то интер- или интрасубъективная аргументация — что позволяет рассматривать всякое положение или систему положений (в том числе и научную теорию) не в застывшей форме дедуктивного представления, а в динамике ее становления, столкновения альтернатив, выявления и разрешения противоречий, трансформации и переосмысления ее положения.

Сказанное позволяет сделать вывод, что ТА следует рассматривать не как альтернативу формальной логике, а как ее содержательное расширение — и одновременно, как некую металогическую дисциплину, что предполагает получение важных результатов практически во всех областях знания, так или иначе связанных с логикой.

Этот вывод заставляет нас вернуться к уже затронутому вопросу об исследованиях аргументации в научных теориях. Однако все сказанное позволяет, по нашему мнению, поставить вопрос об аргументации в науке как вопрос об эвристическом потенциале ТА в исследованиях по логике и методологии науки. Как уже отмечалось, именно диалогический подход, характерный для ТА, дает возможность наиболее полно отразить внутреннюю динамику научной теории, рассмотреть ее положения как становящиеся, меняющиеся в процессе развития теории, а саму теорию — как момент становления научного знания в практическом и историко-культурном контексте¹⁵.

Важной сферой применения ТА является также анализ дискуссий (и вообще деятельности), имеющих социальную направленность и разворачивающихся в социальной сфере¹⁶.

Наконец, следует отметить актуальность исследований в области ТА для анализа самого философского знания¹⁷. Ведь именно в философии мы сталкиваемся с ситуацией, когда дискурсивный рассудок оказывается беспомощным перед лицом очевидной нелепости, не выдерживающей критики с позиций целостной, практически определенной и ориентированной человеческой рациональности. Именно философия ставит перед нами «наивные» вопросы, которые в силу своей всеобщности не позволяют ни найти некоторого общего основания для отыскания ответа, ни исчерпать себя в индукции. Действительно, нависающий над многими философскими доктринами «кошмар солипсизма» не может

¹⁴ См., напр.: Л. Н. Сумарокова, *Взаимосвязь логического и речевого планов аргументации* (Философские проблемы аргументации, Ереван, 1984, с. 124).

¹⁵ «Есть серьезные основания предполагать, — пишет Г. А. Оганесян, — что именно эта теория (ТА — прим. авт.) может послужить основой той междисциплинарной системы, в рамках которой будут по-новому освещены ключевые проблемы логики и методологии познания» (Г. А. Оганесян *Научное знание и теория аргументации* (Вопросы философии, вып. 6—7, Ереван, 1988, с. 245).

¹⁶ См., напр.: М. С. Даниелян, *Социальные проблемы аргументации* (Философские проблемы аргументации, Ереван, 1984).

¹⁷ Начало этим исследованиям было положено в СССР публикацией книги Г. А. Брутяна «Очерки по анализу философского знания» (Ереван, 1979); вообще статьи, посвященные исследованию этой проблемы, составляют большую часть работ, опубликованных в сборниках статей по аргументации, и значительную часть работ, опубликованных в других изданиях.

быть устранен обращением к рассудку. Его опровержение не является ни дедуктивным доказательством, ни даже вероятностным выводом; оно не может также считаться более предпочтительным с точки зрения собственно логической доказательности. В действительности речь идет о том, что мы опровергаем солипсизм путем апелляции к человеческой рациональности (но не рассудочности!) и тем самым с очевидностью показываем (но не доказываем) несовместимость солипсизма с практикой освоения человеком мира, со всей человеческой историей. Вообще, по мнению ряда советских исследователей аргументации, «аргументация, являющаяся логическим доказательством, в философии применяется очень редко»; для философии характерно, скорее, применение «недоказательных аргументаций» и «критики, не являющейся опровержением»¹⁸.

Очевидно, что исследование проблемы философской аргументации требует непосредственного обращения к историко-философскому материалу. Именно поэтому их важной составной частью является анализ характера и способов аргументирования в самых различных философских текстах — от текстов Шанкары, диалогов Платона, трактатов Аристотеля — до работ французских «новых философов»¹⁹.

Разумеется, объем статьи не позволяет полностью обрисовать динамику развития советской школы аргументации; возможно, что взгляды авторов наложили определенный отпечаток на их восприятие вовсе не единообразного процесса исследований; многие интересные аспекты этих исследований — такие как анализ психологических механизмов аргументации²⁰, процессов понимания в аргументации²¹, феномена «неявного знания» и скрытых посылок²², зарубежных исследований в области ТА²³ — просто не уместились на этих страницах. Но, в конце концов, полное представление о работах целого исследовательского направления можно, очевидно, составить только из первых рук — и именно к оригинальным работам представителей советской школы аргументации мы отсылаем читателей этого краткого обзора.

¹⁸ Е. К. Войшвилло Ю. В. Излев, Логические аспекты философской аргументации (Вопросы философии, вып. 6—7, Ереван, 1988, с. 203, 206).

¹⁹ См. статьи В. Г. Лысенко, А. Т. Геворкяна, Э. Ш. Арутюняна, С. Н. Некрасова в сборнике «Философские проблемы аргументации» (Ереван, 1984).

²⁰ См. напр.: А. А. Налчаджян, Психологические аспекты проблемы аргументации (Вопросы философии, вып. 4, Ереван, 1984); Д. В. Ольшанский, Проблема психологических механизмов аргументации (Философские проблемы аргументации, Ереван, 1986).

²¹ См., напр.: С. С. Гусев, Аргументация и понимание (Философские проблемы аргументации, Ереван, 1984).

²² Основополагающей работой, во многом определившей дальнейшие исследования в этой области, является книга Г. А. Брутяна «Трансформационная логика» (Ереван, 1983).

²³ Исследованию этой темы посвящены, в частности, статьи П. Ц. Агаяна, публиковавшиеся во всех упомянутых в сноске 2 сборниках статей; этим же автором опубликована монография «Критический анализ современных концепций философской аргументации» (Ереван, 1987), ряд других работ.

ՓԱՍՏԱՐԿՄԱՆ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԽՈՐՀՐԴԱՅԻՆ ԴՊՐՈՑԸ

Ձ. Ձ. ԻԱՏՈՎԱ, Մ. ՅՈՒ. ՍԼԱՍՏԵՆՈՎ (Լենինգրադ)

Ա մ փ ո փ ու մ

Փաստարկման տեսության ուղղությամբ հետազոտությունները ԽՍՀՄ-ում ծավալվել են համեմատաբար ոչ վաղ ժամանակներից: Այդ պրոբլեմի վերաբերյալ առաջին հրապարակումները լույս տեսան 1970-ական թթ. վերջին և 1980-ական թթ. սկզբին: Այդ աշխատությունները, որ գրավեցին գիտական հասարակայնության ուշադրությունը, մեկնակետ, հետևաբար և տեսական հիմք դարձան տվյալ բնագավառի հետագա ուսումնասիրության համար: Առաջին հրապարակումների ժամանակից ի վեր երևանյան հետազոտողների խմբի շուրջ ամբողջ երկրի մասշտաբով կազմավորվեց փաստարկման պրոբլեմների ուսումնասիրության դպրոցը: Այն հատկանշվում է փաստարկման տեսության ֆունդամենտալ պրոբլեմների գնահատման և լուծման ինքնատիպությամբ:

THE SOVIET SCHOOL OF RESEARCH ON ARGUMENTATION

II.ATOVA Z. Z., SLASTENOV M. Y. (Leningrad)

S u m m a r y

Investigations regarding the view of argumentation have comparatively been propagated recently. In the USSR the first publications concerning that problem saw the light of day at the end of the 1970s and beginning of the 1980s. Those works, which attracted the attention of the scientists has become the starting point and consequently the basis of the view for later studies in that field. Since the first publications, a school has been organized for the study of argumentation problems by a group of investigators in Yerevan and others have been rallying from all parts of the country. It is characterized by the appreciation of the fundamental problems of the view of argumentation and by the originality of solution.